

УДК 070.448 (091)
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-49-61

Опыт взаимодействия человека и природы в специализированной прессе конца XIX века (на материале журналов «Природа и охота» и «Русский охотник»)

А. В. Ляпина

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия*

Аннотация

Процессы глобализации, в которые вовлечена и Россия, актуализируют в памяти культуры нравственно-эстетический опыт взаимоотношения человека и природы, многогранно представленный на страницах дореволюционных периодических специализированных изданий, которые до сих пор находятся на периферии научной мысли. На материале популярных журналов о природе и охоте «Природа и охота» и «Русский охотник» выявляются направления этого взаимодействия и проблемно-тематическая направленность опубликованных произведений. Прослеживается вклад охотничьей прессы, издательский бум которой хронологически совпал с трагическими событиями отечественной истории, в решение практических задач – поиска социумом стабильных оснований для своего бытия и путей спасения от надвигающейся экологической катастрофы. Автор приходит к выводу, что журналы о природе и охоте позиционируют диалогическую модель освоения человеком многообразного мира природы.

Ключевые слова

журналы «Природа и охота» и «Русский охотник», человек и природа, диалог, взаимодействие, экологическая культура, XIX век

Для цитирования

Ляпина А. В. Опыт взаимодействия человека и природы в специализированной прессе конца XIX века (на материале журналов «Природа и охота» и «Русский охотник») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 6: Журналистика. С. 49–61. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-49-61

The Experience of Man and Nature Interaction in the Specialized Print Publications of the Late 19th Century (A Case Study of Magazines «Nature and Hunting» and «Russian Hunter»)

A.V. Lyapina

*Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The purpose of the article is to examine the experience of man and nature interaction, to outline the variety of directions presenting this interaction and elicit the problem-thematic range of magazine published works.

Results. The publicistic sections of «Nature and hunting» 1891–1892 editions and «Russian hunter» during the year of 1892 have been thoroughly analyzed in terms of journalistic context. The experience of man and nature interaction includes different aspects: nature is considered to be aesthetic delight, hunting storylines reveal national traditions of interaction with nature, issues of careful attitude to nature are discussed, hunting facilitates human physical vigor development, nature becomes a matter for scientific research.

Conclusion. The author concludes that nature and hunting magazines give their position on the dialogue model of man's taming of the diverse natural world.

© А. В. Ляпина, 2019

Keywords

magazines “Nature and Hunting” and “Russian Hunter”, man and nature, dialogue, interaction, environmental culture, the 19th Century

For citation

Lyapina A. V. The Experience of Man and Nature Interaction in the Specialized Print Publications of the Late 19th Century (A Case Study of Magazines “Nature and Hunting” and “Russian Hunter”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 6: Journalism, p. 49–61. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-49-61

Введение

Тема «человек – природа» многогранно представлена на страницах отечественной прессы, однако как научная проблема она приобрела особую актуальность в эпоху глобализации, существенно осложнившей контакты человека с миром живой природы. В историко-журналистских исследованиях опыт взаимоотношения человека с природой рассматривается сквозь призму экологических проблем (см. [Сизова, 2007; Шаркова, 2015] и др.) или вопросов популяризации науки (см. [Громова, Маевская, 2012; Балашова, 2017] и др.).

К сожалению, приходится констатировать, что большой сегмент журнального наследия дореволюционной России, природоведческая и охотничья пресса («Русский охотник», 1890–1895; «Природа и охота», 1878–1912; «Природа», 1873–1877; «Журнал охоты», 1858–1877, 1890–1893; «Охотник», 1887–1889; «Псовая и ружейная охота», 1894–1907; «Охотничья газета», 1888–1912; «Охотничий вестник», 1901–1918; «Семья охотников», 1908–1914; «Конская охота», 1891–1907; «Русская охота», 1910–1911; «Природа и люди», 1878–1919 и др.), до сих пор находится на периферии научной мысли. Отдельные исследования спортивной прессы [Слюсаренко, 2003; Алексеев, 2008; Войтик, 2016], кинологической темы в периодической печати [Кубышко, 2017], различных типов коммуникации [Васильченко, Олянич, 2014], провинциальной специализированной прессы [Подлубнова, 2016; Ситникова, 2017], различных компонентов национальной ментальности [Ерофеева, Бочарников, 2018], процессов популяризации науки [Громова, Маевская, 2012; Балашова, 2017] лишь частично раскрывают ее культурно-исторический потенциал.

Издательский бум специализированной научно-популярной прессы хронологически совпал с трагическими событиями российской истории, когда человек переживал «тотальное одиночество перед лицом жестокого, но прекрасного мира» и искал пути «преодоления этого положения» [Беренштейн, 1992. С. 134].

Журналы о природе и охоте конца XIX в., находясь в стороне от идейно-творческой борьбы, не могли конкурировать с общественно-литературными, политическими изданиями, следовательно, представляли собой явление малозаметное и малопривлекательное для критиков и исследователей. Однако, оставаясь на периферии всевозможных дискуссий, они на широком материале продемонстрировали связь охоты и природы с многообразными процессами национальной жизни, отразили интеллектуальные и научные достижения эпохи, представили опыт новой концепции литературного «героя-охотника» в его типологических вариациях [Одесская, 1993], определили свой вектор поиска цельного знания и попытались репрезентировать это знание.

Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью получения и систематизации новых данных о деятельности отечественной специализированной дореволюционной печати по освещению жизни русского человека не только в социально детерминированном обществе, но и во взаимосвязях с макрокосмом, в более естественных связях с миром живой природы, чтобы сохранить в памяти культуры наиболее ценный опыт освоения человеком природного пространства в условиях масштабных преобразований.

Цель статьи – изучить опыт взаимодействия человека с миром природы и определить спектр направлений этого взаимодействия, выявить проблемно-тематическое поле журнальных публикаций.

Подробно рассмотрен художественно-публицистический отдел журналов «Природа и охота» за 1891–1892 гг. и «Русский охотник» за 1892 г. с привлечением журнального контекста. Проблемно-тематическая палитра рассмотренных произведений не является исключительной, скорее – типичной, так как с изданиями сотрудничали на постоянной основе (особенно с журналом «Природа и охота») на протяжении ряда лет одни и те же авторы. Было исследовано более 50 текстов; общий объем составил 60 номеров.

Представленный в статье эмпирический материал является совершенно новым и оригинальным в аспекте обозначенной проблемы.

Ценным для данного исследования является теория диалога как одна из фундаментальных категорий бытия, разработанная М. М. Бахтиным [1979] и развитая в работах Ю. И. Селезнева. «Диалогические отношения, пишет литературовед, – не только внутрочеловеческие (способность и необходимость видеть мир не только своими глазами, но и глазами другого, равноценного сознания), но и отношения человека с природой, взятой как целое» [Селезнев, 1982].

Не менее значимы для нас выводы М. М. Одесской о влиянии И. С. Тургенева на массовую литературу второй половины XIX в., представленные в исследовании, посвященном маргинальному пласту русской литературы – «охотничьему рассказу» [Одесская, 1993].

Общая характеристика журналов «Природа и охота» и «Русский охотник»

Журнал «Природа и охота» (1878–1912) возник по инициативе и при поддержке страстного охотника, основателя Московского русского охотничьего клуба, «самого уважаемого лица между охотниками Москвы» А. М. Ламовского [Гиляровский, 2012. С. 254] с целью пропагандировать правильную охоту; установить правильный и трезвый взгляд на охоту как на спорт, помогать организации охотничьих обществ, направлять развитие русских промыслов и охоты на более рациональный путь. Первым редактором стал Л. П. Сабанеев (1844–1898), талантливый ученый и организатор охотничьего дела в России, вторым – Н. В. Туркин (1858–1918), юрист, активный разработчик дореволюционного охотничьего законодательства. По признанию современников Л. П. Сабанеева и последующих ревнителей охотничьей журналистики, «Природа и охота» был лучшим охотничьим журналом в истории русской охоты и рыболовства¹. А. П. Чехов в октябре 1883 г. писал брату Ивану: «Получаю “Природу и охоту” как сотрудник. Это толстые книги. Читаю в них описания аквариумов, ужения рыбы и проч. Нового пропасть узнал. Хорошие есть статьи, вроде аксаковских. Летом пригодятся. Если будешь на будущий год обитать в провинции, то буду высылать тебе этот хороший журнал» [Чехов, 1974–1983. Т. 1. С. 90]. Журнал «Русская мысль» за 1886 г. напечатал рецензию на журнал «Природа и охота», в которой отмечалось, что каждая книжка журнала была составлена «с большим умением и прочитывалась с интересом даже не “записным” охотником, за исключением, конечно, какой-либо узкой специальности» (Русская мысль. 1886. № 10).

«Природа и охота», ежемесячный иллюстрированный журнал, издавался в Петербурге, а с 1880 г. – в Москве. В журнале печатались сведения о состоянии охотничьих промыслов, о положении и бытовых условиях жизни охотников; печатались статьи по всем отраслям естествознания, охотничья беллетристика и т. д. Каждая книжка состояла из 11–12 печатных листов (около 180–200 страниц) и включала 12–14 публикаций. Стоимость годовой подписки вместе с еженедельным приложением, «Охотничьей газетой» (1888–1912), составляла 15 рублей.

Программа журнала заявлена широко: в нем представлены разделы «Хроника», «Иностранное обозрение», «Справочный отдел», «Объявления», «Рисунки», «Отчеты» различных

¹ См.: Страницы истории рыболовства. URL: <http://histfishing.ru/books> (дата обращения 15.07.2017).

обществ и объединений, «Книжные обзоры», «Письма читателей», «Инструкции», «Рецензии». Журнал объединил ученых и охотников-любителей, художников, известных и только начинающих свой путь в большую литературу писателей. В каждом номере стабильно публиковалось не более шести произведений художественно-публицистической направленности.

Среди постоянных авторов – известные и авторитетные охотничьи писатели России, выходцы из дворянских родов: Д. А. Вилинский (коллежский асессор, писатель, мемуарист, младший брат писательницы Марко Вовчок, троюродный брат критика Д. И. Писарева), А. А. Черкасов (охотовед, горный инженер, в разные периоды – городской голова Барнаула, Екатеринбург), А. Н. Левашов (судебный чиновник), В. М. Сысоев (судебный пристав), А. Н. Ламовский (общественный деятель, кинолог, математик, педагог) и др. В 1883 г. здесь печатает свой рассказ «Он понял!» молодой А. П. Чехов.

Еженедельный иллюстрированный охотничий журнал «Русский охотник» издавался с 1890 по 1894 г. в Москве органом отдела охоты при Императорском обществе акклиматизации животных и растений. Издателем являлся князь В. П. Урусов (1859–1918), собаковод, государственный деятель, а в 1895 г. в Санкт-Петербурге журнал выпускался издателем В. Саутомом, который в том же году стал и его редактором. Журнал ориентировался на рядового читателя, с которым был хорошо знаком редактор Н. Г. Савостицкий (1892–1894), один из старожилов Лубянки (площади в Москве, на которой находился самый крупный в России охотничий рынок), неизменный судья на всех выставках охотничьих собак в Москве, журналист. Стоимость годовой подписки составляла шесть рублей. Объем издания доходил до 16 страниц формата А3.

Журнал имеет постоянные рубрики: «Вопросы и ответы», «Корреспонденция», «Астрологический календарь», «Вести и слухи», «Ветеринария», «Разные известия», «Объявления».

Широко представлена жанровая палитра издания (случай, очерк с натуры, сцена-монолог, картина с натуры, эскиз, картинка, быль, этюд), что вполне соответствует характеру литературного процесса конца XIX в. Именно в это время господствуют малые эпические формы, активизируется жанровое взаимодействие различных тенденций, литература обогащается новыми жанрами и жанровыми формами.

В журнале печатались художественные произведения педагога-подвижника И. В. Попова, художника Н. К. Рериха, детской писательницы М. В. Киселевой, научно-познавательные заметки и очерки биолога, ученого Московского университета Н. М. Кулагина, заводчика, эксперта по русским гончим, теоретика истории гончих Н. П. Кишенского, А. М. Ламовского, Д. А. Вилинского и др.

Многие рассказы опубликованы без указания автора («Рассказы Игната Макарова», «Ночь на “Ивана Купалу”», «Первый вальдшнеп», «Случаи из охотничьей практики», «Весна на берегах Дона»). Участники охоты вспоминают наиболее яркие события, делятся своими переживаниями, ощущениями и впечатлениями о проведенном времени и о людях, с которыми они охотились.

В журналах «Природа и охота» и «Русский охотник» на широком фоне историко-литературных и культурных связей демонстрируется опыт взаимодействия человека с миром природы.

Направления взаимодействия человека с природой. Философско-эстетическое осмысление природы

Многие авторы ориентировались на образцы, предложенные литературной традицией, прежде всего И. С. Тургеневым и С. Т. Аксаковым, в рамках которой немалое место занимали вопросы философско-эстетического осмысления природы. Писатели-охотники, образованные люди, воспринимают природу как мощный живой организм, вовлекающий в свое движение и сопричастного ему человека. Герой-охотник, вступая во владения могучей при-

роды, задумывается о своем месте во Вселенной, о жизни и смерти. Природный мир, таинственный и загадочный, переполненный самыми неожиданными движениями, пугает и радует человека, заставляет его цепенеть в своем одиночестве среди «недр вековых лесов».

В очерке И. Я. Поплавского «Мои охоты с псковичами» читаем:

Какими мизерными казались сани, лошади, люди перед величием сосновых гигантов!.. Какими маленькими кажутся кое-где приютившиеся у сосен елки и кусты можжевельника!.. Глядя на этот лес, никакой разговор житейский не лезет на ум... Созерцаешь, любишь величием бора и сознаешь свое собственное ничтожество перед природой (Природа и охота. 1892. № 11).

Властно вступает в свои права таинственная жизнь ночной природы, перед которой беспомощен человек.

Как хорошо и радостно днем в этом могучем лесу! Чувствуешь в себе какую-то особенную силу, казалось, и не ушел бы из него... Но когда за таинственными великанами скроется дневной свет, наступает серый мрак и все в лесу в полутьме примет какую-то кажущуюся причудливо таинственную форму, то жутко чего-то и спешить скорее в теплую избушку... Куда девалась та сила, то чувство, что заставляет бороться, преодолевать преграды... И чувствуется полнейшая мизерность человека перед могучей силой природы (Природа и охота. 1892. № 11).

Охота давала пищу для размышления о жизни и смерти, о месте в мироздании.

Наслаждаясь дивной красотой природы и переживая счастливейшие моменты жизни, – вы вместе с тем начинаете чувствовать свое одиночество, ничтожество. – Вы ропщете на Провидение, что не одарены крыльями и не можете следовать за пернатыми, спешащими к северу на гнездовье и пролетающими над вашей головой, не обращая на вас ни малейшего внимания... К ним в это время вы почему-то считаете необходимо-нужным присоединиться и лететь... (Русский охотник. 1892. № 26).

Непроницаемый среди стволов деревьев мрак спустился вниз у корней и мешал различать впереди предметы <...> Кругом тишина <...> Тихо, темно, жутко. Деревья, как гиганты, подозрительно окружали нас и, казалось, угрожая, загромождали путь... Какая-то тоска, чувство полного одиночества, стала прокрадываться мне в сердце; мне сделалось ужасно грустно; а вместе и страх, необъяснимый ничем, овладел мною. Страх перед этой тьмою, перед неизвестностью поднял мои нервы.

Кругом темно. Сзади, полный зловещей тишины и какой-то загадочной неподвижности, стоит лес, протягивая к нам свои ветви, точно костлявые, кривые руки, точно силясь достать и охватить нас. Впереди кусты, как безобразные скалы, чернея, нагромождились на нашем пути, стараясь скрыть за своими чудовищными формами что-то таинственное, ужасное (Русский охотник. 1892. № 36).

Погружение в мир природы рождало и самые светлые чувства, эстетизировало процесс охоты:

Проходишь целый день и счастлив, если поднимешь стайку запоздалых дроздов или полюбишься на вскочившего вне меры напуганного русака. Тянет мучительно туда, где на каждом шагу катит беляк, где ельник, можжевельник, клюковник, трещат белые куропатки, букетами разлетаются тетерева (Природа и охота. 1891. № 4).

Вам, господа охотники, хорошо известны все эти чувства, какие овладевают нами в лесу, с пожелтевшими деревьями, с коричневой подстилкой из опавших, мокрых от утреннего тумана листьев, с этой осенней тишью, – все эти ожидания, волнения, усиленный стук пульса, вся эта напряженность нервов и вся прелесть этого дела (Природа и охота. 1891. № 4).

Как отмечает М. М. Одесская, «в самом процессе охоты переживается особое эстетическое наслаждение, понятное только участникам» [1993. С. 17]. Иногда волнения, переживаемые охотником, даже ставятся выше любовного чувства:

Не охотник едва ли может испытывать такие сильные волнения, как те, которые дает охота. Я думаю, что даже влюбленные не бывают в таком состоянии, а всякий охотник, вероятно, сознается, что он никогда не испытывал таких волнений в присутствии женщины, как иногда на охоте (Природа и охота. 1892. № 1).

Во второй половине XIX в. бурный рост городов, значительное увеличение численности населения, развитие фабрично-заводской промышленности ослабили экономические, географические связи человека с усадебной / деревенской культурой, осложнили контакт с миром природы, но зато укрепили связи духовные. Городская среда лишала человека «спаси-

тельного крова» (термин В. Г. Щукина. – *А. Л.*), лишала его корней, отъединяла от естественных условий жизни. В этих непростых исторических обстоятельствах охота рассматривалась как странствие, счастливое путешествие в мир природы.

Что лучше: наслаждение или предвкушение наслаждения? <...> После месячного сидения на месте <...> месячной варки в тоске и томлении очутиться на свободе едущим даже не на охоту. А на целое охотничье странствие, при лучшей, задушевной, полной разнообразия и богатой душу волнующими впечатлениями охотничьей обстановке! (Природа и охота. 1891. № 3).

Приведенное описание созвучно настроению И. С. Тургенева, когда он, находясь вдали от родины, сообщает А. А. Фету, своему соседу по имению и товарищу по охоте, свое желание: «...лучше перенестись мыслию в наши “палестины” – и вообразить себя сидящим с Вами в отличной коляске и едущим на тетеревей – найдем же мы их, наконец...» [Переписка И. С. Тургенева, 1986. Т. 1. С. 423].

Вольная стихия природы неодолимо влечет к себе странствующего охотника, провоцируя воспоминания, рождая ностальгические чувства, обогащая его даром творчества – таким же стихийным. В беллетристике охотничий нарратив также формирует оппозицию «настоящая – искусственная жизнь», восходящую к пространственной оппозиции «деревня – город», которая в сознании читателя ассоциируется с древнейшей универсальной оппозицией «свой – чужой». Однообразной городской атмосфере (чужое пространство) противопоставляется открытая вольная жизнь на лоне природы (свой, родной мир).

На дворе стояла чудная теплая осень, спокойная и ласковая, пролившая в душу сознание безпричинного довольствия. В такую ночь, вдали от суеты и шума городского, невольно выходишь из колеи будничных интересов и забываешь все те дразги и неприятности, которыми всегда полны голова и сердце каждого, живущего на людях, человека (Природа и охота. 1890. № 2).

Часто сюжет охоты провоцирует воспоминания о поре юности. Повествователь в рассказе А. Левашова «Бишка», сидя дома во время трехдневной вьюги, вспоминает времена юности, когда он отправлялся с друзьями охотиться в «знаменитые “Долгие кусты”», и сокрушается о безвозвратно исчезнувших богатых дичью лесных массивах:

Долгие Кусты – это <...> настоящие джунгли, большие пространства частого березняка, дубовые роши <...> склоны орешника и бесконечные холмы всех видов и величин, заросшие мелким ровным, кустарником.<...> Это охотничье эльдорадо, теперь, вероятно, уже исчезнувшее бесследно, в то время кишело дичью: волк, лиса, русак, беляк, тетерева, куропатки, вальдшнепы и перепела держались в изобилии... (Природа и охота. 1891. № 3).

Воспоминания охотника

положительно заставляют переживать прошлое <...> и лучшие моменты из прошлой жизни, потому что они, кроме золотой молодости, говорят вам о стольких блаженных часах и днях, проведенных на охоте, вдали от городского шума, забот, дразг, от людской гадости и пошлости, в среде этой величественной, таинственной и наивной, прекрасной и могущественной, искренней и простой, при всей своей сложности, природы, в противоположность мелочной, лукавой, ехидной, корыстной, мутной и искусственной жизни, сложившейся в кишаших человеком населенных центрах (Природа и охота. 1891. № 3).

Экспансия человека в природную среду

Охота выявляет и разрушительное начало в человеке. Хищническое истребление охотничьей фауны во второй половине XIX в. побудило ученых, общественных деятелей, членов Российского Императорского Общества правильной охоты придать этому роду занятий статус этического события. Сюжеты, рассматривающие нормы поведения охотников и отступление от этих норм, носят воспитательный характер, учат уважать интересы других охотников, учат «джентльменскому поведению» на охоте. Героями таких очерков и рассказов становятся охотники-промысловики и браконьеры, которые в погоне за добычей подчас не соблюдают правил поведения. С горечью констатируют авторы факты несоблюдения охотничьих законов.

Мне случалось бывать на охоте с такими компаньонами, которые, придя на место остановки и увидев, что другой убил больше его на одну или две штуки, моментально, не пивши, не евши, схватывают ружье и шляются до тех пор, пока не убьют этих несчастных недостающих экземпляров. В результате – страшная усталость для самих и нарушение веселости духа у других... (Природа и охота. 1892. № 5).

Как же простому мужику, мещанину, солдату отказать себе в прибыльном промысле или воздержаться от охоты круглый год, когда все власть имущие, презирая закон Божий и Государев, не стесняясь ни времени года, ни родом дичи, палили круглый год себе на потеху, избивая все пролетное, прилетное, ценное, кормящее? –

задается вопросом дворянин, педагог, журналист Н. А. Вербицкий-Антиохов (Природа и охота. 1890. № 3).

Появляются актуальные для этого периода мотивы «убийства на охоте» («Впервые на гусином перелете», Природа и охота. 1891. № 4), «осуждения охоты как убийства» (Гумилин в рассказе «Тихон Платоныч», Природа и охота. 1891. № 3), «раскаяния за убийство на охоте» (И. О. Д-ский в рассказе «Первый медведь», Природа и охота. 1892. № 2).

Как видим, публикации синтезируют этический и философско-эстетический потенциал охоты, демонстрируют, с одной стороны, драматическую сущность самой охоты, соединяющей желание познать, открыть и одновременно истребить, с другой – драматический образ эпохи, ее напряженность и внутреннюю конфликтность.

О парадоксальности феномена охоты, объединившей желание убить, покорить, истребить с чутким, благоговейным отношением к природе, свидетельствует и фрагмент рассказа русского собаководчика М. П. Гумилина «Тихон Платоныч»:

Пусть люди старые и опытные доказывают, что охота есть занятие жестокое, кроважидное и потому безнравственное. Надобно полагать, что не они перестали этим грешить, а сам грех от них отступился, испугавшись их преклонного возраста. Слова, самые умные, останутся словами. Одна природа вечно правдива, бесспорно прекрасна, и не умрет охота с гончими, пока человек будет состоять не из одного брюха, а на земле останется хоть один уголок, не занятый меблированными комнатами или банкирской конторой. Всегда найдутся добронравственные Иаковы, которые, прикрываясь бараньей шкурой, добьются первенства, купленного у голодного брата за чевичиную похлебку, но не переведутся и простодушные Исавы, умеющие любить, понимать природу и находить в этом для себя высшее наслаждение (Природа и охота. 1891. № 3).

Природа как мистическая субстанция

Взаимоотношения человека и природы строятся с учетом понимания охотником, который наделяется «колдовским знанием», природы как «мистической субстанции» [Славянские древности, 2004. С. 600]. Между участниками коммуникации (охотником и лесом) веками складывался некий знаковый диалог, в ходе которого регулировалось поведение охотника на основании ценностей и сакральных охотничьих знаний, необходимых для достижения цели. Публикации описывали ритуально-магические действия, актуальные для промыслового культа. Например, А. М. Ламовский (А. Михайлов) в «Новгородских заметках» повествует о суевериях, преданиях, поверьях, бытующих в среде новгородских охотников:

... кроме известных повсюду и предвещающих удачу в охоте или неудачу (встретить бабу, перебежит дорожку кошка, водовоз с пустой бочкой, человек с пустой корзиной и проч.), существуют еще местные <...> для того, чтобы охотник заблудился, надо взять сучковатую дощечку, вытолкнуть сучок, чтобы в ней образовалась дыра, взять ключ и смотреть через ключ и через дыру в доске на охотника, тогда охотник непременно заблудится. В Кунинском мху заводит сам, т. е. леший. На Вяжитском озере выныривает водяной и опрокидывает лодки с охотниками. В Сырковском болоте живет много чертей, которые закручивают охотника так, что ему не выбраться. Охотники-промышленники верят в различные заговоры, в особенностях по части боя ружья (Природа и охота. 1891. № 5).

Носителем мифологического сознания является герой записок Троицкого «Из записной книжки случайного охотника».

Алексей Иванович твердо держался народных поверий и был глубоко убежден в том, что из охоты не выйдет никакого толку, если кто-нибудь нам встретится на пути, в особенности боялся он встречи с бабами. Он думал, что в этом случае лучше уж не ходить на охоту (Русский охотник. 1892. № 33).

Николай Гуляев опубликовал «Народные приметы и поверья о птицах в Пермской губернии»:

Если коршун на лету часто кричит – будет хорошая погода (вёдро) <...> Дятла убить – сорок грехов простится <...> Курицы купаются («пурхаются») в песке и чистят перья – к ненастью (Русский охотник. 1892. № 45).

Взаимоотношения человека и природы в традиционном обществе

Интерес представляет охота как архаический тип хозяйствования, поддерживающий бытование древних форм культуры и во многом определяющий ее традиционность. Русская охота на медведя включена в сферу высших ценностей человека традиционного общества. Она «санкционировалась не только реальными потребностями, но и ритуалом» [Медведева, 2011. С. 362]. Для многих народов (эвены, ханты, манси, ненцы и др.) медведь является их предком, поэтому к нему относились с большим почтением и уважением. В ритуале добывания медведя находится дуальная модель «медведь – тотем», «медведь – человек».

В № 46 журнала «Русский охотник» был опубликован очерк «Медведь как предмет поклонения на нашем севере», в котором описываются элементы тотемического почитания этого зверя, обычаи и обряды, связанные с медвежьим культом. Присягающие медведю раздевались донага, становились «лицом к лицу, глядя с благоговением на небо и произнося на своем языке следующие, в переводном смысле слова: “Нум, – т. е. всеведующий, всезнающий Бог, – накажи нас тем, чтобы мы растаяли, как снег, или рассыпались, как земля, ежели мы присягаем не от чистого сердца”» (Русский охотник. 1892. № 46). Самоеды твердо верили, что под шкурой белого медведя, почитаемого ими, скрывается «человеческий образ, соединенный с божественной силой и мудростью <...> Бог сотворил его злым и дал ему чрезмерную силу для уничтожения слишком греховных людей» (Русский охотник. 1892. № 46). Убив медведя на охоте, самоед немедленно снимал с него сало и шкуру, передавал их русским барышникам и никогда не заносил в свой чум. Клыки ошкуя (медведя) носились как талисманы, которые охраняют от неприятных случаев во время промысла и приносят удачу.

Таким образом, охота рассматривается как явление культуры, традиция отдельных народов; в этом процессе демонстрируется магическо-ритуальный характер взаимодействия охотника с миром природы.

Прагматико-прикладной характер взаимодействия охотника с природой

Охота с древних времен имитировала поле брани, становилась подготовкой к войне, средством воспитания воинских качеств дворянина. Об этой функции охоты писали и пишут историки культуры, исследователи-натуралисты. Охоту как школу для юношества рассматривает историк, географ Г. П. Успенский (1765–1820): «Звериная ловля в тогдaшнее время приносила юношеству, к войне готовившемуся и к ратоборным подвигам приобучавшемуся, великую пользу» [Успенский, 1818. С. 88]. А. Брем (1829–1884), немецкий ученый-зоолог, путешественник, видит роль охоты в формировании стратегических и тактических воинских и спортивных умений: охота «делает сердце великим, твердым и мужественным. Когда дело коснется до серьезной охоты, когда придет нужда защищать отечество от ярости врагов, тогда охотник почувствует, как Телль, что его оружие, которым научила его владеть охота, может служить к лучшей цели, чем убиение невинных животных. Он идет на поле битвы и сумеет воспользоваться верным ружьем» (цит. по: [Романов, 1876–1877. С. 279]).

Политическая обстановка в стране и за ее пределами в конце XIX в. актуализирует прагматико-прикладной аспект изображения охоты на страницах специализированной прессы. О воспитании воинских качеств посредством охоты пишет Г. Чепурнов:

Воспитательное значение охоты для войск неоспоримо и драгоценно. Кому приходилось ждать еже-секундно, что зверь бросится на него, кто сам крался к логовищу зверя, кто имел в сердце решимость, промахнувшись вступить с ним в борьбу, и кто, вместе с тем, видел близко войну, тот не может отвергнуть сходства ощущений на войне и на охоте (Природа и охота. 1892. № 4).

Исследовательская стратегия ученых-охотников

Опыт взаимодействия с природой продемонстрировал исследовательскую стратегию охотничьих «блужданий», особенно во второй половине XIX в., когда началось активное освоение и изучение Сибири, Центральной и Средней Азии, стратегических, экономических, культурно значимых для царской России регионов. Выступая в роли этнографа и краеведа, ученый-охотник изучает состояние охотничьих промыслов, бытовые условия жизни охотников, состояние окружающей среды, описывает материальную и духовную культуру народов России, подчеркивая ее самобытный характер, и представляет результаты своих наблюдений в рассматриваемых журналах 1890-х гг. («Записки Южно-Уссурийского охотника» И. Алмазова, «Очерки охотничьей жизни в Туркестане» П. Мар-а, «Былое из охотничьей жизни в Малороссии» А. Белокрылова, «На севере Киргизских степей», «Иртыш» И. И. Мельникова, «На Алтае» А. А. Черкасова и др.). Так, например, в очерке М. Третьякова «Охота в окрестностях селения Джаркента» (в настоящее время это *город* в Казахстане недалеко от китайской границы. – А. Л.) представлен богатейший материал о жизни местного населения. Эта научная экспедиция продолжала традицию научных путешествий, открывающих тайну великой Степи (например, в экспедиции 1858–1859 гг. участвовал известный казахский просветитель Ч. Валиханов. – А. Л.). Описывая обмундирование охотников, автор подробно характеризует его устройство и функции: охотник снабжен

киргизскими «байнаками», то есть войлочными чулками, спрятанными в большие сапоги»; «к передней луке седла привешена армячная торба, к задней приторочены шерстяные «коржуны», то есть перекидные сумки или саквы, в которых возится хлеб, овес и прочие необходимые на охоте предметы (Природа и охота. 1892. № 1).

А. М. Ламовский (А. Михайлов) в «Новгородских заметках» представляет элементы костюма в соответствии со статусом участников охоты и их ролью на охоте. Так, новгородские охотники-крестьяне одевались легко, так как практически все путешествия совершали пешком:

Обувь употребляют местной работы из коневьей кожи. Такие сапоги обходятся от 4 до 5 рублей. Озерные охотники тяжелыми, большими и просторными сапогами не брезгают, любят, чтобы на ноги можно было наверхнуть две или три пары портянок, а под низ, вместо стельки, подложить клок соломы или сена <...> Для летней охоты употребляются поршни, цена которым за пару от 10–15 коп. В крайнем случае промышленники не жалеют своих собственных подошв и ходят босяком (Природа и охота. 1891. № 5).

Поршни – это обувь в виде лаптей, которую делали из одного куска кожи, сшивая сыромятным ремнем. Иногда к поршням пришивалась нетолстая подошва и самые низкие каблуки. Обычно надевались на длинные шерстяные чулки. А вот пример одежды ловчего:

В комнату вошел ловчий Семен Иванов. Он был одет в парадном синем казакине, с патронами на груди, обшитым золотым позументом, перетянутый черкесским ремнем (Природа и охота. 1891. № 6).

Научные описания флоры и фауны, климата и географического положения регионов, быта, традиций и обычаев многочисленных народов Российской империи внесли значительный вклад в развитие различных отраслей научного знания. С гордостью вспоминал Н. Н. Биби-ков в статье «Высший тип охотника» Николая Михайловича Пржевальского, чьи научные достижения еще при его жизни были отмечены многочисленными учеными обществами и академиями, как российскими, так и иностранными (Природа и охота. 1891. № 5).

Заключение

Являясь неотъемлемой частью и одной из важнейших составляющих нового социокультурного сознания последней трети XIX в., охотничья пресса на широком фоне проблемно-тематических связей демонстрирует многогранный опыт взаимодействия человека с миром живой природы, ориентируясь, в том числе, на лучшие традиции классической литературы, создавшей позитивный образ охоты и охотника, и включает в себя широкий спектр направлений этого взаимодействия:

- природа выступает источником эстетического наслаждения, награждает охотника – «поэта в душе» (М. Пришвин) способностью ощущать таинственность и бесконечность жизни, пробуждает порывы его чувств, зовет к преображению, приближает к естественному состоянию, учит осознавать себя частицей великого целого;
- охотничьи сюжеты демонстрируют национальные традиции взаимодействия с природой, в охотничьих ритуалах и обрядах отразилась богатейшая культура народов Российской империи;
- социально-историческая ситуация во второй половине XIX в. активизировала деятельность человека в отношении природы, которая чаще носила разрушительный характер (охотники-браконьеры и промысловики). В журналах актуализируется природозащитная проблематика, обсуждаются вопросы рационального использования фауны;
- с изменением общественно-политической обстановки насущными оказываются вопросы самовоспитания и самоорганизации человека, развития физических способностей, которые совершенствуются во время охоты и необходимы для реализации в сфере спорта и в военных действиях;
- с развитием и популяризацией естественнонаучного знания охотники-исследователи существенно расширили возможности охоты, придав ей в конце XIX в. статус научно-исследовательского события.

Несмотря на то что очерки и рассказы не относились к изящной словесности, в них накапливался интересный материал, который давал возможность увидеть русскую действительность в ее многообразии, оценить эмоционально-психологическое состояние общества в переходный период.

Писатели, по преимуществу выходцы из аристократической среды, на глазах которых уходила в безвозвратное прошлое усадебная культура, актуализировали диалогическую модель взаимодействия человека и природы, столь естественную для И. С. Тургенева и его современников, проявленную в ритуально-магической традиции и фольклоре многочисленных народов Российской империи. Только в диалоге могут проявлять себя любые формы жизни: «человек – природа», «человек – человек», «человек – общество». Только близость к природе позволяет познать жизнь в ее естественно природных проявлениях, увидеть «бытие тетерева глазами самого тетерева» (И. С. Тургенев).

Список литературы

- Алексеев К. А.** Спортивная пресса России XIX – начала XX в.: историко-типологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
- Балашова Ю. Б.** Типология научно-популярной прессы начала XX века // Учен. зап. Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, № 3. С. 680–690.
- Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.
- Беренштейн Е. П.** Русский символизм: эстетика универсальности // Культура и ценности. Тверь: Изд-во ТГУ, 1992.
- Васильченко Ю. А., Олянич А. В.** Лингвосомиотика охотничьей коммуникации: Монография. Волгоград, 2014. 140 с.

- Войтик Е. А.** Спортивный медиатекст: закономерности становления и парадигма развития: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016.
- Гиляровский В. А.** Москва и москвичи. М.: АСТ: Астрель, 2012. 413 с.
- Громова Л. П., Маевская М. И.** Научно-популярная журналистика в России XVIII–XIX вв.: вехи становления: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.
- Ерофеева И. В., Бочарников В. Н.** Концепт *ОХОТА* в лингвокультурологической парадигме современных специализированных журналов // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2018. № 1 (7). С. 5–16.
- Кубышко О. В.** Кинологическая тематика в специализированной прессе: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2017. 168 с.
- Медведева Г. В.** Охота на медведя в Сибири. Структура и семантика ритуала (по материалам народной прозы 1980–2011 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 361–365.
- Одесская М. М.** Русский охотничий рассказ XIX века (типология, традиции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 24 с.
- Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. / Вступ. ст. Н. Никитиной. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. 607 с.
- Подлубнова Ю. С.** От «Уральского охотника» к «Уральскому следопыту»: природа и природные ресурсы в культурных репрезентациях 1920–1930-х гг. // Литература как форма социальной и индивидуальной рефлексии: Материалы XIX Всерос. науч.-практ. конф. словесников. Екатеринбург, 2016. С. 48–56.
- Романов С. И.** Охотничий словарь. М.: Н. И. Мамонтов, 1876–1877. Вып. 1–2.
- Селезнев Ю. И.** Мысль чувствующая и живая: Литературно-критические статьи. М.: Современник, 1982. 336 с.
- Сизова Л. В.** Экологические периодические издания. Типология периодической печати: Учеб. пособие для студ. вузов / Под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. М.: Аспект Пресс, 2007. 141 с.
- Ситникова Т. В.** Журнал «Приволжский охотник» как тип провинциальной клубной периодики // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 126–130.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. 704 с.
- Слюсаренко Е. А.** Специализированные журналы о спорте: типологические и профильные характеристики: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Успенский Г. П.** Опыт повествования о древностях русских. Харьков: Императорский университет, 1818. Ч. 1. 208 с.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.
- Шаркова Е. А.** Экологическая журналистика в региональных политических процессах: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015. 23 с.

References

- Alekseev K. A.** Sportivnaya pressa Rossii XIX – nachala XX vv.: istoriko-tipologicheskii analiz [The sports press of Russia 19th – the beginnings of the 20th centuries: historical and typological analysis]. Cand. phil. sci. diss. St. Petersburg, 2008. (in Russ.)
- Bakhtin M. M.** Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979, 320 p. (in Russ.)
- Balashova Yu. B.** Tipologiya nauchno-populyarnoy pressy nachala XX veka [Tipologiya of the popular scientific press of the beginning of the 20th century]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific notes of the Kazan University. Series: Humanities], 2017, vol. 159, no. 3, p. 680–690. (in Russ.)

- Berenshteyn E. P.** Russkiy simvolizm: estetika universalnosti [Russian symbolism: universality esthetics]. In: *Kultura i tsennosti*. Tver, TSU Publ., 1992. (in Russ.)
- Chekhov A. P.** Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. In 30 vols. Moscow, Nauka, 1974–1983. (in Russ.)
- Erofeyeva I. V., Bocharnikov V. N.** Kontsept *OKHOTA* v lingvokulturologicheskoy paradigme sovremennykh spetsializirovannykh zhurnalov [A concept *HUNTING* in a linguoculturological paradigm of modern specialized magazines]. *Gumanitarnyye aspekty okhoty i okhotnichyego khozyaystva* [Humanitarian aspects of hunting and hunting economy], 2018, no. 1 (7), p. 5–16. (in Russ.)
- Gilyarovskiy V. A.** Moskva i moskvichi [Moscow and Muscovites]. Moscow, AST: Astrel, 2012, 413 p. (in Russ.)
- Gromova L. P., Maevskaya M. I.** Nauchno-populyarnaya zhurnalistika v Rossii XVIII–XIX vv. [Popular scientific journalism in Russia the 18th – 19th centuries]. Tutorial. St. Petersburg, 2012. (in Russ.)
- Kubyshko O. V.** Kinologicheskaya tematika v spetsializirovannoy presse [Film logical subject in the specialized press]. Cand. phil. sci. diss. Rostov on Don, 2017, 168 p. (in Russ.)
- Medvedeva G. V.** Okhota na medvedya v Sibiri. Struktura i semantika rituala (po materialam narodnoy prozy 1980–2011 gg.) [Hunting for a bear in Siberia. Structure and semantics of a ritual (on materials of national prose of 1980–2011)]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of science, culture, education], 2011, no. 5 (30), p. 361–365. (in Russ.)
- Odesskaya M. M.** Russkiy okhotnichiy rasskaz XIX veka (tipologiya. traditsii) [Russian tall story 19th centuries (typology, traditions)]. Cand. phil. sci. diss. Moscow, 1993, 24 p. (in Russ.)
- Perepiska I. S. Turgeneva [I. S. Turgenev's correspondence]. In 2 vols. Intr. by N. Nikitina. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, vol. 1, 607 p. (in Russ.)
- Podlubnova Yu. S.** Ot «Uralskogo okhotnika» k «Uralskomu sledopytu»: priroda i prirodnyye resursy v kulturnykh reprezentatsiyakh 1920–1930-kh gg. [“The Ural hunter” to “The Ural pathfinder”: the nature and natural resources in cultural representations of the 1920–1930]. In: *Literatura kak forma sotsialnoy i individualnoy refleksii. Materialy XIX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii slovesnikov*. Ekaterinburg, 2016, p. 48–56. (in Russ.)
- Romanov S. I.** Ohotnichiy slovar [Hunting dictionary]. Moscow, N. I. Mamontov Publ., 1876–1877, iss. 1–2. (in Russ.)
- Seleznev Yu. I.** Mysl' chuvstvuyushchaya i zhivaya [The thought feeling and live]. Literary critiques. Moscow, Sovremennik Publ., 1982, 336 p. (in Russ.)
- Sharkova E. A.** Ekologicheskaya zhurnalistika v regionalnykh politicheskikh protsessakh [Ecological journalism in regional political processes]. Cand. polit. sci. diss. St. Petersburg, 2015, 23 p. (in Russ.)
- Sitnikova T. V.** Zhurnal «Privolzhskiy okhotnik» kak tip provintsialnoy klubnoy periodiki [“Privolzhsky Okhotnik” magazine as type of the provincial club periodical press]. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology, Journalism*, 2017, no. 4, p. 126–130. (in Russ.)
- Sizova L. V.** Ekologicheskiye periodicheskiye izdaniya. Tipologiya periodicheskoy pechati [Periodicals typology]. Tutorial. Eds. M. V. Shkondin, L. L. Resnyanskaya. Moscow, Aspect Press, 2007, 141 p. (in Russ.)
- Slavyanskiye drevnosti [Slavic antiquities]. Ethnolinguistic dictionary. In 5 vols. T. 3. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, 704 p. (in Russ.)
- Slyusarenko E. A.** Spetsializirovannyye zhurnaly o sporte: tipologicheskiye i profilnyye kharakteristiki [Specialized magazines about sport: typological and profile characteristics]. Cand. phil. sci. diss. Moscow, 2003. (in Russ.)
- Uspensky G. P.** Opyt povestvovaniya o drevnostyah russkih [The experience of narration about Russian antiquities]. Kharkov, Imperatorskiy Universitet Publ., 1818, pt. 1, 208 p. (in Russ.)
- Vasilchenko Yu. A., Olyanich A. V.** Lingvosemiotika okhotnichyey kommunikatsii [Lingvosemiotic of hunting communication]. Volgograd, 2014, 140 p. (in Russ.)

Voytik E. A. Sportivnyy mediatekst: zakonomernosti stanovleniya i paradigma razvitiya [Sports media text: zakonomernokst of formation and paradigm of development]. Doct. phil. sci. diss. St. Petersburg, 2016. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
31.01.2019*

Сведения об авторе

Ляпина Алина Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, факультет филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира 55, Омск, 644077, Россия)
a.v.liapina@mail.ru

Information about the Author

Alina V. Lyapina, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Dostoevsky Omsk State University (55 Mir Ave., Omsk, 644077, Russian Federation)
a.v.liapina@mail.ru